

ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 03.39

doi: 10.17223/15617793/476/1

Всероссийская выставка 1867 г. – новый этап в развитии этнографической науки

Мариям Мустафаевна Керимова¹

¹Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва, Россия, mkerimova@yandex.ru

Аннотация. Показано, что первоосновой проведения Всероссийской этнографической выставки 1867 г. были не политические амбиции России, а научные задачи. Анализ архивных источников и литературы второй половины XIX в. позволил показать место и роль выставки в структуре российской науки последних десятилетий XIX в. Впервые проанализирована объемная экспозиция западных и южных славян. Показан вклад российских ученых и известных деятелей национального возрождения славянских стран в подготовку и проведение выставки.

Ключевые слова: новый этап науки, история создания выставки, южные и западные славяне, этнографический музей, Этнографический отдел ИОЛЕАЭ

Для цитирования: Керимова М.М. Всероссийская выставка 1867 г. – новый этап в развитии этнографической науки // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/476/1

Original article

doi: 10.17223/15617793/476/1

The 1867 All-Russian Exhibition – a new stage in the development of ethnographic science

Mariam M. Kerimova¹

¹Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow, Russian Federation, mkerimova@yandex.ru

Abstract. In historiography dedicated to the First All-Russian Ethnographic Exhibition of 1867, the emphasis is usually placed on its political goals – the demonstration of the imperial ambitions of Russia rallying the foreign Slavic peoples around it. The aim of this article is to show that the primary principles of the exhibition were scientific tasks: the creation of the Dashkovo Ethnographic Museum at the Rumyantsev and Public Museums in Moscow and the Ethnographic Department of the Imperial Society of Devotees of Natural Science, Anthropology and Ethnography at Moscow University. These two events marked a new stage in the development of ethnographic science in Russia. After the exhibition ended, ethnology loudly proclaimed itself an independent science. The author relies mainly on archival sources and literature of the second half of the 19th century, using a systematic analysis of sources related to various issues raised at the exhibition. The comparative-historical method is also used, which made it possible to show the place and role of the exhibition in the structure of Russian science in the last decades of the nineteenth century, in the context of the historical, social and ideological situation in Russia and foreign Slavic countries. The author shows that the exhibition raised important problems of further expanding the comparative study of history, everyday life and customs, religion, economic development of the peoples of Russia, the Southern and Western Slavs, and expanding cultural interaction with them. The purpose of the exhibition was to stimulate interest in the study of the material and spiritual culture of different peoples, and for this it was necessary to make the exposition detailed, visual and reliable. The article discusses in detail the stages of preparation and holding of the exhibition and its results. For the first time, the author analyzes a large exposition of Western and Southern Slavs: Czechs, Slovaks, Croats, Slovenes, Poles, Serbs, Montenegrins, Macedonians, and Bulgarians; describes in detail scenery scenes (Russian fair, Slovenian wedding), which attracted the greatest attention of visitors. The author highlights the huge contribution to the preparation and holding of the exhibition of initiators and organizers: A.P. Bogdanov, V.A. Dashkova, N.A. Popova, M.F. Raevsky and others, and also shows the role in the organization of the exhibition of famous figures of the national revival of the Slavic countries: M. Mayar, B. Petranovich, J. Milutinovich, N. Ducic and other fighters for the freedom and independence of their peoples, who were at that time under the rule of the Austro-Hungarian and Ottoman empires. The Dashkovo Ethnographic Museum was founded on the basis of the exhibits collected in different regions of Russia and in the countries where Southern and Western Slavs lived. The exhibition contributed to the founding in 1868 of the Ethnographic Department of the Imperial Society of Devotees of Natural Science, Anthropology and Ethnography at Moscow University. These events marked a new stage in the development of ethnography, anthropology, and Slavic studies.

Keywords: new stage of science, history of creation of exhibition, Southern and Western Slavs, ethnographic museum, Ethnographic Department of Imperial Society of Devotees of Natural Science, Anthropology and Ethnography

For citation: Kerimova, M.M. (2022) The 1867 All-Russian Exhibition – a new stage in the development of ethnographic science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/1

Разница между русской этнографией и западной антропологией заключается не только во времени их зарождения, но и в мотивациях и практической направленности. Российское народоведение (этнография) зародилось как эмпирическое и практическое знание. В его основе лежало самопознание и консолидация народов Российской империи. Внимание этнографии в восемнадцатом и первой половине девятнадцатого столетия было обращено либо на отдельный народ, либо на имперскую галерею народов. Западная антропология, напротив, синтезировала общий ход эволюции человека из фрагментов различных культур. Не отдельные люди, а развитие культурных стадий народов мира фигурировало в работах западных эволюционистов [1. С. 13]. Это различие ярко проявилось на первой Всероссийской этнографической выставке 1867 г. в Москве.

Следует отметить, что во второй половине XIX в. этнографическая наука прочно утвердилась не только в Западной Европе и Америке, но и в России. За этот период был накоплен огромный фактический материал, что способствовало появлению обобщающих аналитических работ, теоретических концепций, возникновению этнографических обществ и специальных периодических изданий, созданию музеев и выставок.

Неслучайно первая Всероссийская этнографическая выставка состоялась в Москве в 1867 г. К выставке был приурочен съезд ученых из зарубежных славянских стран: Сербии, Хорватии, Словении, Болгарии, Польши, Чехии и Словакии. Славянские ученые прислали на выставку многочисленные экспонаты материальной культуры своих народов. Поводом для Славянского съезда в России стала идея славянской взаимности, единства языков и культур славянских народов. Этноинтеграционные тенденции были связаны с новыми всплесками сопротивления западных и южных славян германизации, мадьяризации и османскому игу. Российская империя, будучи в то время единственным славянским независимым государством, поддерживала славянские страны.

Основная научная и просветительская цель выставки – продемонстрировать огромное разнообразие народов необъятной Российской империи и соседних зарубежных славянских стран.

Анатолий Петрович Богданов (1834–1896), молодой профессор Московского университета, в то время уже был известным антропологом и зоологом (рис. 1).

Он стал идейным вдохновителем, организатором и автором оригинального плана и программы Московской этнографической выставки 1867 г.

Мысль о необходимости проведения выставки в России возникла у Богданова в 1862 г., после вторичного посещения Всемирной выставки 1851 г. в приго-

роде Лондона – в прекрасном Хрустальном дворце Сиденгама. За Лондонской выставкой последовала целая череда других: в Париже – в 1867, 1878 и 1889 гг., в Филадельфии и Чикаго – в 1876 и 1893 гг.; в Москве – в 1867, 1872 и 1879 гг.

Богданов считал, что для успеха мероприятия необходима фундаментальная организационная и общеобразовательная поддержка, для которой он считал необходимым создание нового научного Общества любителей естествознания при Императорском Московском университете с широким составом. Такое Общество было основано в 1863 г.

Рис. 1. Анатолий Петрович Богданов

Следующим важным шагом стало получение помещения для выставочной экспозиции. Я обнаружила ранее неизвестные и неопубликованные документы в Центральном государственном архиве Москвы (ЦГАМ). Они помогли более полно осветить историю выставки. В архиве отложился документ 1865 г., подписанный президентом Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровским, в котором содержалась просьба разрешить проведение этнографической выставки в московском Экзерциргаузе (Exzierzirgauz – здание Манежа в Москве). После этого в 1865 г. было получено разрешение императора на проведение выставки в Московском Манеже (рис. 2).

Рис. 2. Московский Манеж (Exzierzirgauz)

Затем был разработан программный план. К просьбе о проведении выставки А.П. Богдановым был приложен текст этой программы: «Каждая группа племен, представленная на выставке, должна быть размещена в географической последовательности. Посетители выставки, начавшие осмотр с жителей полярных стран, постепенно переходят на тропики... Группы разных племен могут быть окружены типичными растениями и животными той или иной местности... Для организации такой выставки по приблизительным подсчетам нужно собрать 20 тыс. рублей серебром. Эта сумма необходима, потому что потребуются экспедиции специалистов и художников на Север и Юг России, которые должны будут изготовить оригинальные манекены (фигуры в полный рост) из представителей разных племен, зафиксировать народные костюмы и различные предметы быта» [2].

С 1865 г. по весну 1867 г. была проделана колоссальная работа по сбору и оформлению всей грандиозной выставочной экспозиции. Главой организационного комитета выставки был назначен заместитель директора Румянцевского музея в Москве, известный меценат Василий Андреевич Дашков (1819–1896) (рис. 3).

Рис. 3. Василий Андреевич Дашков

Он пожертвовал 18 тыс. рублей серебром на организацию выставки (после ее закрытия ему сполна возместили эту сумму).

Итак, летом 1865 г. были окончательно решены вопросы о размещении выставки в Манеже, дате ее открытия весной 1867 г. – и об оказании помощи ее организаторам и кураторам. В течение двух лет – с 1865 г. и до весны 1867 г. шла гигантская по своему размаху работа по собиранию и оформлению огромной выставочной экспозиции. Под руководством В.А. Дашкова и при помощи А.П. Богданова состоялось 45 заседаний организационного комитета, утвер-

дившего дополнения и корректировки, внесенные в план, также были созданы пять специальных комиссий: экспедиционная по отбору на натуре типичных фигур из представителей разных народов; художественно-оформительская для создания фонда декоративных и архитектурных аксессуаров; фотографическая по составлению коллекций портретов и фотографий для скульпторов; ботаническая для природного фона и, наконец, финансовая для выработки правил взноса денег юридическими и физическими лицами [3. С. 259–294].

Известный историк, славист, архивист, профессор Московского университета Нил Александрович Попов (1833–1891) стал инициатором создания на выставке специального славянского отдела (рис. 4).

Ему было поручено установление контактов с зарубежными учеными и отслеживание сбора, изготовления и доставки в Москву многочисленных экспонатов из земель, населенных западными и южными славянами Центральной и Юго-Восточной Европы [4. С. 53]. Кроме того, он был одним из инициаторов серии торжественных мероприятий для славянских гостей в Москве и Санкт-Петербурге, получивших название Славянский съезд [5. С. 19; 6].

Рис. 4. Нил Александрович Попов

Общество любителей естествознания при Московском университете организовало благотворительную акцию для сбора дополнительных средств. Профессора прочитали серию публичных лекций по различным историческим, этнографическим и антропологическим вопросам. В них приняли участие известные ученые: А.П. Богданов, И.Д. Беляев, И.К. Бабст, Н.А. Попов, С.М. Соловьев, М.П. Погодин и др.

Первая Всероссийская этнографическая выставка открылась 23 апреля 1867 г. За два месяца ее посетило около 90 тыс. человек, что вызвало большой общественный резонанс не только в России, но и в различных странах Западной Европы. Среди посетите-

лей были люди разных социальных категорий и профессий: любители этнографии, студенты российских учебных заведений, видные ученые и общественные деятели из различных культурных центров России и зарубежья. Почетными гостями были: академики Российской академии наук В.П. Безобразов, Л.Н. Майков; от вузов – проф. Ф.И. Буслаев, К.Н. Бестужев-Рюмин, В.И. Ламанский, М.П. Петровский, В.И. Григорович и др. Литературно-художественные круги представляли поэты Ф.И. Тютчев, А.Н. Майков, А.П. Плещеев, композиторы М.А. Балакирев, Н.Г. Рубинштейн и др.

Количество зарубежных славянских гостей, прибывших из стран, находившихся под властью Австро-Венгерской и Османской империй, было впечатляющим (81 человек). В список гостей вошли известные борцы за свободу и независимость своих стран, историки, лингвисты, писатели, переводчики и журналисты, юристы, биологи, медики, а также представители духовенства и купечества и даже студенты.

Открытие выставки было очень торжественным. Отслужили молебен, Великий князь Владимир Александрович был объявлен Почетным председателем выставки. 24 апреля выставку посетил император Александр II со свитой, наследником цесаревича и его супругой Марией Федоровной. Почти 3 часа они с интересом знакомились с экспозицией, Александр II поблагодарил организаторов выставки и одобрил идею ее проведения.

Экспозиция выставки была похожа на красочное театрализованное представление. На специальных помостах было размещено около 300 искусно изготовленных манекенов в традиционной народной одежде (рис. 5, 6). Основная экспозиция (первый отдел) состояла из трех подразделов [3. С. 30]. В первом подразделе были представлены манекены аборигенных народов.

Рис. 5. Бродячие или дикие тунгусы в чуме (Бродячие или лесные тунгусы возле чума).

Источник: Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в составе Императорского Московского университета: исторический очерк структуры выставки, описание и перечень предметов, которые были на выставке, и протоколы выставки. Заседания комитетов по структуре выставки. М.: Тип. М.Н. Лавров и К°, 1878, II, 93 с., 19 л. ил; 32 (Известия Общества любви естествознания, антропологии и этнографии. Т. 29 [вып. 1]. С. 88

Рис. 6. Группа башкир у кибитки.

Источник: Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в составе Императорского Московского университета: исторический очерк структуры выставки, описание и перечень предметов, которые были на выставке, и протоколы выставки. Заседания комитетов по структуре выставки. М.: Тип. М.Н. Лавров и К°, 1878, II, 93 с., 19 л. ил; 32 (Известия Общества любви естествознания, антропологии и этнографии. Т. 29 [вып. 1]. С. 76

Они обитали на огромных просторах России – от Аляски, Сибири и окраин европейской части Русского Севера до Кавказа и Крыма, Прибалтики, Средней Азии (30 групп и 116 манекенов). Восточные славяне – русские, украинцы и белорусы (10 групп и 118 манекенов), а также западные и южные славяне Центральной и Юго-Восточной Европы – составляли второй и третий подразделы.

В процессе подготовки выставки 1867 г. собирались не только предметы, фиксировалась информация о вещах и их владельцах, выполнялись зарисовки и фотографии. Для изготовления манекенов и демонстрации народного костюма были приглашены скульпторы: профессор Н.А. Рамазанов, академик С.И. Иванов, а также художники М.Л. Севрюгин, Я.М. Яковлев, С.П. Закревский, А.М. Любимов, Гейзерт. Они работали на основании фотографий, полученных из разных регионов России и зарубежных славянских стран, а в некоторых случаях делались с натуры.

В третий подраздел вошли западные и южные славяне Центральной и Юго-Восточной Европы. Выставка впечатляла своей красочностью и праздничным колоритом: 62 манекена, представляющих разные национальные типы, знакомили публику с чехами, моравцами, словаками, поляками, кашубами, словенцами, хорватами, сербами, черногорцами, македонцами и болгарцами. Все экспонаты были выполнены в натуральную величину, передавали как физический тип и народный костюм уже сложившихся народностей, так и основные черты племенных групп и локальных этнических общностей. Часто сделанные со слепков лиц или фотографий реальных людей, они производили неизгладимое впечатление подлинности и оригинальности разнообразных типов. Также были тщательно подобраны аутентичные аксессуары одежды, головные уборы и украшения.

Поражал посетителей и декоративный фон. Манекены были окружены разнообразными красочными экзотическими растениями, скрупулезно подобранными с учетом особенностей климатических зон. Макеты заснеженных горных вершин, в натуральную величину срубы, глинобитные мазанки, юрты, чумы, караваны, инструменты ремесленников, охотников, рыбаков и даже чучела животных – оленей, лошадей и собак – подчеркивали и без того красочные картины [7].

Второй общий этнографический отдел демонстрировал 400 комплектов будничной и праздничной мужской и женской одежды; 1 200 предметов домашнего быта, моделей построек и орудий труда, 2 000 рисунков и фотографий; более 500 различных музыкальных инструментов, в том числе гусли, тамбурины, губной орган (варган), глиняные и деревянные свистульки и даже алеутские кастаньеты из клювов птиц и шаманские бубны.

Посетителей привлекала коллекция лубочных картин, альбомы старинной одежды этнографических и субэтнических групп чешских ганак, далматинцев и придунайских болгар; литографии австрийских славян (чехов, словаков, хорватов и словенцев), сербов и русинов Южной Венгрии, многочисленные фотографии жителей Триединого королевства Хорватии, Славонии и Далмации, чешских депутатов пражского сейма, изгнанных из него в самом начале образования дуалистической монархии Австро-Венгрии. 2 000 предметов приобрели и передали для подготовки выставочной экспозиции священник русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевский (1811–1884) (рис. 7), чешский поэт и переводчик К.Я. Эрбен, славонский фабрикант Ф. Лай, сербский национальный деятель Б. Петранович и черногорский архимандрит Н. Дучич.

Третий антропологический отдел с археологической коллекцией был создан в основном на личные средства А.П. Богданова. Он состоял из 1 500 экспонатов, в том числе 600 черепов, множества анатомических рисунков, 23 антропологических инструментов, среди которых были краниологические устройства: кефалометр Ансельма и краниометр Брока. В археологическую коллекцию вошли извлеченные из курганов предметы (ядра, монеты и другие археологические артефакты – всего 300 единиц), старопечатные издания. Этот отдел был в основном предназначен для специалистов данного профиля.

Кратко остановимся на экспозиции русских, украинцев, белорусов, западных и южных славян.

Экспозиция русских отличалась тем, что была задумана как демонстрация разнообразия форм экономической деятельности крестьянского и городского населения нескольких центральных губерний России. Для этого были созданы три постановочные экспозиции: производственная, ярмарочная и сельскохозяйственная. Первые две привлекли наибольшее внимание посетителей. Изба с тремя окнами зажиточного крестьянина-ремесленника и купца впечатляла не только своими естественными размерами, но и внут-

ренним убранством: лубочные картины XVII в., икона, размещенная в углу, кровать, покрытая одеялом из разноцветных лоскутков. Известно, что они были подарены профессором Московского университета, историком русской литературы Н.С. Тихонравовым. На выставке в эту избу заходили Александр II и великая княгиня Мария Федоровна.

Рис. 11. Михаил Федорович Раевский

Двор хижины был забит телегами, колесами, метлами, табуретами, а рядом с домом находился торговый магазин со всеми видами изделий из дерева, кожи, меди, олова и стекла. Он изобилует товарами, удовлетворяющими повседневные нужды крестьян: ткацкими изделиями, крестами различной конфигурации, украшенными медью и финифтью; игрушки, зеркала, дешевые стеклянные серьги и даже очки по десять рублей за дюжину. Все эти товары свидетельствовали о широком развитии русского кустарного производства.

Особенно живописной была ярмарочная сцена (рис. 8). По ярмарке можно было походить, посмотреть на народные костюмы. Большое оживление вызывали манекены, изображающие людей разных профессий: здесь были кузнец, извозчик, продавец книг, лубка и ложек, мальчик-продавец кваса, старик, водный медведь, и др. Манекены в основном были изготовлены по рисункам и фотографиям из разных регионов России и зарубежных славянских стран (рис. 9, 10) [8. С. 78–79].

Следом за русской шла экспозиция украинцев и белорусов. Украинцы были представлены шестнадцатью манекенами в народных костюмах из Харьковской, Воронежской, Киевской, Подольской, Черниговской губерний, задействованными в сюжетных сценах из жизни крестьян, а также макетом мазанки в натуральную величину.

Рис. 8. Российская ярмарка.

Источник: Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в составе Императорского Московского университета: исторический очерк структуры выставки, описание и перечень предметов, которые были на выставке, и протоколы выставки. Заседания комитетов по структуре выставки. М. : Тип. М. Н. Лавров и К^о, 1878, II, 93с., 19л. ил; 32 (Известия Общества любви естествознания, антропологии и этнографии. Т. 29 [вып. 1]). С. 9

Рис. 9. Цветная иллюстрация. Слепой певец-серб и дети. Сербия. Крагуевский округ. Фотография Т.Л. Митрейтера. Коллекция РЭМ

Белорусов изображали шесть фигур, задействованных в жанровых сценах, представляющих домашний быт и основные занятия крестьян Могилевской губернии.

Экспозиция южных и западных славян поражала красочностью и праздничным колоритом. 62 манекена знакомили зрителей с чехами, моравами, словаками,

поляками, кашубами, словенцами, хорватами, сербами, черногорцами, македонцами и болгарами. Все манекены также были выполнены в натуральную величину, головы были из воска.

Рис. 10. Крестьянская девушка Архангельского уезда, 20 лет. РЭМ. Русские № 8764-368

Фигуры были сделаны со слепков лиц или фотографий реальных людей. Мастерски подобраны аксессуары к одежде, головные уборы и украшения. Над экспозицией работала огромная команда скульпторов, художников и фотографов. 62 манекена (16 групп) демонстрировали народные костюмы зарубежных славян. Дарители и коллекционеры из числа зарубежных гостей выставки сделали все, чтобы она была максимально полной и разнообразной. Примечательно, что многие экспонаты представляли местные эт-

нические группы, различающиеся одеждой, ритуалами и особенностями диалекта. Процесс формирования этнической идентичности славянских народов осложнялся территориальной разобщенностью, языковыми особенностями, политическим и национальным подчинением и угнетением. Отметим, что впервые вопросы существования различных типов этнических сообществ, «местных» названий и диалектов были подняты П.-Ю. Шафариком, автором выдающихся произведений «Славянские древности» (1837) и «Славянские описания народов» (1842), переведенных на русский язык О.М. Бодянским в 1841 и 1848 гг. Исследования первых русских университетских славистов И.И. Срезневского, О.М. Бодянского, П.И. Прейса и В.И. Григоровича, путешествовавших по землям южных и западных славян, заостривших внимание в том числе и на существовании локальных этнических групп, стали важной вехой в истории этнографической славистики [9. С. 60–102].

Чехи и словаки, расселявшиеся в XIX в. в Богемии, Моравии, Словакии, Славонии, Австро-Венгрии и отчасти в Пруссии и Галиции, были изображены на выставке в народных праздничных костюмах, собранных Эрбеном, Лаем и Раевским. Фигуры чешских крестьян из Домажлицкого уезда, представляли местную этническую группу ходов (или булаков) – они были расселены вдоль границы, защищая чешские земли от баварских немцев. Их костюмы являлись отголоском старинной одежды и отражали влияние новой городской культуры (кожаные и замшевые брюки, меховые шубы и шапки). Вторая сцена знакомила с мужским и женским костюмами из окрестностей Пльзеня, третья группа – с ганаками и словаками из Моравии (из окрестностей Кромержижа и Подивина). Этнографическая группа чехов-ганаков была представлена манекенами, сделанными по слепкам и фотографиям реальных людей.

Семь фигур демонстрировали *словацкий* костюм Южной Моравии и Венгрии. Лица манекенов, также воспроизведенные с живых персонажей, впечатляли достоверностью.

Польская экспозиция состояла из четырех групп: великопольян из пограничья с Восточной Пруссией и Познанью, поляков-краковян из Келецкой губернии, поляков-мазуров – жителей Варшавского уезда, поляков-курпов (курпиков) Ломжинской губернии. Традиционная одежда, предметы домашнего быта и фотографии из Царства Польского были подарены кн. В.А. Черкасским, генералами А.И. Рожновым и Н.А. Буцковским, бароном Н.В. Медемом, коллежским советником А.А. Жерве.

Словенцы выглядели очень экзотично и колоритно. Разбросанные по землям Каринтии, Штирии и Крайны, которые были частью Австро-Венгрии, они делали все возможное, чтобы защитить свою самобытную этническую культуру. Праздничная сцена сельской свадьбы локальной этнической группы словенцев-зилян (из Зильской долины на границе с Италией) была прислана католическим священником Матией Маяром (1809–1892) [10. С. 70–76], выдающимся

словенским общественным деятелем, филологом и этнографом (рис. 11).

Рис. 11. Матия Маяр (Зильский)

Епископ отказал ему в поездке в Москву, но ему удалось отправить в подготовительный комитет выставки в 1866 г. фотографии и рисунки с изображением главных героев словенской свадьбы (4 мужчин и 2 женщин из Зильской долины (рис. 12)). Маяр сопровождал экспонаты подробным текстом, который представлял собой не просто описание всех деталей свадебной церемонии, а целый трактат, в котором излагались его взгляды на историю и обычаи словенцев [11. С. 75–76]. В этой композиции внимание привлекал старинный обряд «разбивания бочки» (символ счастливого брака и потери девственности невестой в первую брачную ночь). В хижину, украшенную живописной резьбой по дереву, можно было войти, а свадебная сцена была устроена так, чтобы зрители могли лично участвовать в действии.

Рис. 12. Словенские свадьбы в Зильской долине, фотография с экспозиции этнографической выставки в Москве, 1867 г.

Несмотря на все препятствия, Маяру удалось приехать в Россию и побывать на выставке в Москве.

В XIX в. хорваты жили в Триедином королевстве Хорватия, Славония и Далмация, которое сначала находилось под властью Габсбургской монархии, а с 1867 г. – под властью дуалистической Австро-Венгрии; они были расселены частично в Истрии, на Военной границе и на западе Герцеговины. Здесь су-

ществовало множество субэтнических групп хорватов: морлаки, загорцы, буньевцы, чичи, личане, безьяки и др. В экспозиции были представлены загорцы (загорянин и загорянка), граничары Слуинского полка и хорваты Центральной Загребской жупании (окрестности г. Карловац). Важную роль в приобретении народных костюмов сыграло «Общество истории и языка» в Загребе.

В хорватской экспозиции зрителей больше всего привлекала группа граничаров Военной границы — территории, искусственно созданной в середине XVI в. в связи с опасностью продвижения Османской империи в глубь Европы. К концу XVIII в. область Военной границы простиралась от берегов Адриатики до Карпат. Пограничники военных поселений на южных границах Австро-Венгрии несли военную службу, за что были освобождены от ряда феодальных повинностей. Экспозиция — 4 манекена в военной амуниции, славонские народные костюмы, коллекция фотографий, музыкальных инструментов — в основном была приобретена на деньги гостя выставки Ф. Лая и священника М.Ф. Раевского.

Сербы были расселены в Сербском княжестве, вассальном Османской империи, а также в Боснии и Герцеговине. Часть их проживали в Австрии и на юге Венгрии. В XVII–XVIII вв. из Австрии сербы переселялись в Россию, где образовался Славяносербский уезд Екатеринославской губернии, жители которого тоже были представлены в экспозиции.

В сербской экспозиции (14 фигур) особенно колоритной была группа, изображающая слепого гуслеяра в окружении 14 крестьян из разных регионов княжества на фоне монастырской стены. Манекен певца был выполнен по слепку и фотографии одного служителя сельской церкви. Дарителями костюмов и некоторых предметов были князь Михаил Обренович, священник Й. Милутинович, писатель, историк, общественный деятель Б. Петранович. Идея этой сцены принадлежала Н.А. Попову, который в 1862–1864 гг. по собственной инициативе объездил многие славянские земли.

Маленькая Черногория привлекала русскую публику как практически единственный непокоренный уголок на Балканах — оплот свободы и независимости для всех южных славян, веками сражавшихся с османскими и австрийскими захватчиками. Исконные черногорские земли (Бока-Которская, или Которский регион), имевшие большое значение для черногорцев как выход к морю, с 1815 г. вместе с Далмацией входили в состав Габсбургской монархии. Находясь в состоянии постоянного противостояния между Османской империей и Австро-Венгрией, Черногория

в XIX в. оставалась преимущественно крестьянской страной с элементами родоплеменных отношений.

К черногорцам, живущим в бухте Которского залива, относили локальную этническую группу бокезцев. Здесь же расселялись и другие группы: добройцы, парастчане, рисанцы. Поэтому неслучайно в черногорской экспозиции присутствовали фигуры двух бокезцев, в одежде которых чувствовалось итальянское влияние (со второго десятилетия XV в. по конец XVIII в. эти земли входили в состав Венецианской республики). Также были представлены черногорцы из внутренних частей страны в старинных праздничных одеждах (мужчины с кинжалами и пистолетами; женщина с характерным массивным народным поясом, украшенным тремя рядами сердоликов и серебряными ножницами на поясе). Их фигуры на фоне высоких горных вершин выглядели суровыми и величественными. Народные костюмы были подарены князем Черногории Николаем, княгиней Даринкой и архимандритом Н. Дучичем.

Болгары были представлены манекенами в женской и мужской одежде из Тырновского округа, *македонцы* — 12 комплектами одежды из Битольского района и левого берега реки Струмы [12. С. 120].

Приезд славянских гостей в Россию оставил глубокое и яркие впечатления как у них, так и у российской общественности. Выставка пробудила глубокое осознание общих интересов, культурного единства и братства славянских народов, помогла им сблизиться и помочь друг другу [13. С. 23]. Этнографическая выставка в Москве закрылась 19 июня 1867 г. За два месяца работы ее посетили 83 048 человек, среди которых были представители всех стран Европы и всех социальных слоев населения [14. С. 30].

Подводя итог скажем, что Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. открыла новый этап в развитии этнографической науки в России. На основе собранных экспонатов был создан первый этнографический музей в Москве. Выставка способствовала основанию в 1868 г. Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Таким образом, русская этнология громко провозгласила себя отдельной наукой.

Кроме того, была продемонстрирована мощь имперской России и многообразие входивший в ее состав народов, этнических и конфессиональных групп. Она способствовала сплочению и культурному единению южных и западных славян вокруг России.

Драгоценное собрание выставки до сих пор хранится в Российском этнографическом музее (РЭМ) в Санкт-Петербурге.

Список источников

1. Головнев А.В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1.
2. Центральный Государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 36. Д. 140, Л. 19; Ф. 459. Оп. 2. Д. 2976. Л. 4, 6, 8; Ф. 16. Оп. 24. Д. 5093; Ф. 455. Оп. 1. Д. 4, 13.
3. Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 г. М. : Университетская типография, 1867.
4. Чуркина И.В. Этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве в 1867 г. // Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы : сб. статей / отв. ред. С.И. Данченко. М. : Институт славяноведения РАН, 2018.
5. Лаптева Л.П. Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в. // Славянские съезды XIX – XX вв. М. : ИСБ РАН, 1994.
6. Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1960. 364 с.

7. Этнографическая выставка 1867 года в Москве // История России до 1917 года. URL: <http://russiahistory.ru/e-tnograficheskaya-vy-stavka-1867-goda-v-moskve/>
8. Бодрова О.А., Сулейманова О.А. Этнографический манекен как средство репрезентации этнического: к столетию этнографической выставки 1867 года // Труды Кольского научного центра РАН. 2017. № 9-12.
9. Керимова М.М. Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997.
10. Указатель этнографической выставки. М., 1867.
11. Чуркина И.В. Русские и словенцы. М.: Наука, 1986.
12. Керимова М.М. Первая Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. и проблема взаимодействия славянских народов // Европейская интеграция и культурное многообразие. М.: ИЭА РАН, 2009.
13. Жакова Н.К. Славянские гости на Этнографической выставке 1867 г. // Россия и славянский мир на Этнографической выставке 1867 г. СПб.: Навигатор, 2009.
14. Этнографическая выставка 1867 г. // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Т. XXIX, вып. I. М.: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1878.

References

1. Golovnev, A.V. (2018) Ethnography in the Russian academic tradition. *Etnografiya*. 1. pp. 6–39. (In Russian). DOI: 10.31250/2618-8600-2018-1-6-39
2. Central State Archive of Moscow. Fund 418. List 36. File 140. Page 19; Fund 459. List 2. File 2976. Pages 4, 6, 8; Fund 16. List 24. File 5093; Fund 455. List 1. File 4, 13.
3. Anon. (1867) *Vserossiyskaya etnograficheskaya vystavka i slavyanskiy s"ezd v mae 1867 g.* [All-Russian Ethnographic Exhibition and Slavic Congress in May, 1867]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
4. Churkina, I.V. (2018) Etnograficheskaya vystavka i Slavyanskiy s"ezd v Moskve v 1867 g. [Ethnographic exhibition and Slavic Congress in Moscow in 1867]. In: Danchenko, S.I. (ed.) *Slavyane i Rossiya: slavyane v Moskve. K 870-letiyu so dnya osnovaniya g. Moskvy* [Slavs and Russia: Slavs in Moscow. To the 870th anniversary of the founding of Moscow]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS.
5. Lapteva, L.P. (1994) Ideya slavyanskoy vzaimnosti i slavyanskie s"ezdy XIX v. [The idea of Slavic reciprocity and Slavic congresses of the 19th century]. In: Dostal', M.Yu. (ed.) *Slavyanskie s"ezdy XIX – XX vv.* [Slavic Congresses of the 19th–20th Centuries]. Moscow: ISB RAS.
6. Nikitin, S.A. (1960) *Slavyanskie komitety v Rossii v 1858–1876 godakh* [Slavic Committees in Russia in 1858–1876]. Moscow: Moscow State University.
7. Russiahistory.ru. (n.d.) *Etnograficheskaya vystavka 1867 goda v Moskve* [Ethnographic exhibition of 1867 in Moscow]. [Online] Available from: <http://russiahistory.ru/e-tnograficheskaya-vy-stavka-1867-goda-v-moskve/>.
8. Bodrova, O.A. & Suleymanova, O.A. (2017) The ethnographic mannequin as a representation of ethnicity. Concerning the centenary of the 1867 ethnographic exhibition. *Trudy kol'skogo nauchnogo tsentra RAN – Transactions of the Kola Science Centre*. 9-12. (In Russian).
9. Kerimova, M.M. (1997) *Yugoslavyanskii narody i Rossiya. Etnograficheskie syuzhety v russkikh publikatsiyakh i dokumentakh pervoy poloviny XIX v.* [The South Slavic Peoples and Russia. Ethnographic subjects in Russian Publications and documents of the first half of the 19th century]. Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography RAS.
10. Anon. (1867) *Ukazatel' etnograficheskoy vystavki* [Index of the Ethnographic Exhibition]. Moscow: Universitetskaya tipografiya (Katkov i K°).
11. Churkina, I.V. (1986) *Russkie i sloventsy* [Russians and Slovenes]. Moscow: Nauka.
12. Kerimova, M.M. (2009) Pervaya Vserossiyskaya etnograficheskaya vystavka 1867 g. i problema vzaimodeystviya slavyanskikh narodov [The first All-Russian ethnographic exhibition of 1867 and the problem of interaction of Slavic peoples]. In: Martynova, M.Yu. (ed.) *Evropeyskaya integratsiya i kul'turnoe mnogoobrazie* [European integration and cultural diversity]. Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography RAS.
13. Zhakova, N.K. (2009) Slavyanskii gosti na Etnograficheskoy vystavke 1867 g. [Slavic guests at the Ethnographic exhibition of 1867]. In: *Rossiia i slavyanskiy mir na Etnograficheskoy vystavke 1867 g.* [Russia and the Slavic World at the Ethnographic Exhibition of 1867]. Saint Petersburg: Navigator.
14. Izvestiya obshchestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii pri Moskovskom universitete. (1878) Etnograficheskaya vystavka 1867 g. [Ethnographic exhibition of 1867]. *Izvestiya obshchestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii pri Moskovskom universitete*. 1 (29).

Информация об авторе:

Керимова М.М. – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: mkerimova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.M. Kerimova, Dr. Sci. (History), leading researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: mkerimova@yandex.ru.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.04.2021;
одобрена после рецензирования 20.10.2021; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 19.04.2021;
approved after reviewing 20.10.2021; accepted for publication 28.03.2022.